

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА
ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА
О СТЕПЕНИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО НАМЕРЕНИЯ**

**GUIDING PRINCIPLES
ON CRIMINAL LAW OF THE RSFSR OF 1919
ON THE DEGREE OF REALIZATION OF CRIMINAL INTENT**

Огородникова Н.В.

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «КубГУ»
(г. Краснодар)*

Ogorodnikova N.V.

*PhD in Law, Professor,
Criminal Law and Criminology Department,
Kuban State University
(Krasnodar)*

Ключевые слова: неоконченное преступление; приготовление к преступлению; покушение на преступление; Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; УК РФ 1996 г..

Аннотация: В статье анализируются нормы о неоконченном преступлении, содержащиеся в трех нормативно-правовых актах: Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК РФ 1996 г., проводится их сопоставление с точки зрения позаимствования положительного исторического опыта законодательского описания этапов реализации преступного намерения в поисках оптимальной регламентации стадий совершения преступления.

Keywords: unfinished crime; preparation for a crime; attempt to commit a crime; Guidelines on criminal law of the RSFSR in 1919; Code of criminal and correctional punishments in 1845; criminal code of the Russian Federation in 1996.

The summary: The article analyzes the norms of unfinished crime, containing as contained in three legal acts: the code about punishments of criminal and corrective 1845, the Guiding principles on criminal law of RSFSR 1919, the criminal code 1996, compares them from the point of view of borrowings the positive historical experience of law-making describe stages of implementation of criminal intent in the search for optimal regulation of the stages of the crime.

При обращении к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее по

тексту – *Руководящие начала*) нельзя не отметить сравнительно небольшой объем этого

постановления Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. (27 статей)¹. Объяснить такую лаконичность можно с учетом предыстории их принятия. Октябрьские события 1917 г. обусловили потребность в создании нового для мировой цивилизации правопорядка и законодательства. Декретом о суде № 1 дозволялось применять царское законодательство в части, не противоречащей задачам и идеологии новой власти, и лишь в конце 1918 г. такое дозволение было отменено². В течение этого короткого периода времени в области уголовного права сохраняли свое значение отдельные нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее по тексту – *Уложение 1845 г.*)³ и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г.⁴, поскольку Уголовное уложение 1903 г.⁵ так полностью и не было введено в действие⁶. Первые нормативные установления уголовно-правового характера советский законодатель формулировал в декретах ВЦИК и СНК. Работа над кодификацией уголовного законодательства завершилась принятием первого Уголовного кодекса

РСФСР по ряду причин лишь в 1922 г.⁷: это и гражданская война, и белогвардейская интервенция, и недостаток высококвалифицированных специалистов в законодательской деятельности, нуждающейся в разработке совершенно новой идеологической концепции. Поэтому Руководящие начала были промежуточным, но очень значимым этапом построения социалистического уголовного законодательства, по сути, являясь прообразом Общей части разрабатываемого первого Уголовного кодекса первого в мире социалистического государства.

В Руководящих началах одна из восьми глав – четвёртая («О стадиях осуществления преступления») – была посвящена этапам реализации преступного намерения. Прежде чем перейти непосредственно к ее анализу, следует обратить внимание на импонирующий законодательный приём наименования глав – все заголовки (кроме главы VI) информируют о содержании той или иной главы, начинаясь с предлога «О»: «О преступлении и наказании» «О стадиях осуществления преступления», «О соучастии» и т.д.

Давая оценку данному нормативному акту, невозможно обойтись без компаративистского метода, поскольку лишь в сопоставлении можно определить достоинства и недостатки законодательного описания тех или иных норм, проследить динамику легального закрепления института неоконченного преступления. Поэтому представляется целесообразным рассматривать Руководящие начала, сравнивая их с соответствующими нормами Уложения 1845 г.⁸ и действующим Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. (далее по тексту – *УК РФ*) в ракурсе «позавчера-вчера-сегодня».

Все три нормативно-правовых акта стадиям совершения преступления посвятили отдельные рубрики: в Руководящих началах 1919 г. и УК РФ 1996 г. – это главы; в Уложении 1845 г. глава первая «О существе преступлений и проступков и о степенях вины» раздела I «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» имеет дополнительную градацию на

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление НКЮ 12 декабря 1919 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / сост. А. А. Герцензон; под ред. И. Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1953. С. 57-60.

² Кожурин В. О сводах законов Российской империи, СССР, РСФСР и Российской Федерации (к истории вопроса) // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 8-12.

³ Сборник всех новых законов: в 3-х томах. Свод законов уголовных. Т. 2 / Божанович. М.: Университет. тип., 1868.

⁴ Подробнее см. об этом: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Петроград-Киев: Изд-во книжного магазина Н. Я. Оглоблина, 1915.

⁵ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904.

⁶ См. об этом: Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права: сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909.

⁷ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. М.: Издание Военной коллегии Верх. Трибун. ВЦИК, 1922.

⁸ Пашковская А. В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Государство и право. 1995. № 11. С. 126-133.

отделения, второе из которых именуется «О умысле, о приготовлении к преступлению, о покушении на оное и о совершении преступления»¹. В каждом из названных нормативно-правовых актов содержится небольшое число норм об этапах совершения преступления (5 – в Уложении, 4 – в Руководящих началах и всего 3 – в УК РФ), позволяющих, тем не менее, сориентировать правоприменителя относительно как формы вины, так и характера предварительной преступной деятельности.

Наибольшее число норм в Уложении 1845 г. объясняется наибольшим числом этапов совершения преступления. Советское и постсоветское законодательство вполне обоснованно отказалось от такой стадии, как обнаружение умысла, ограничившись тремя – приготовлением к преступлению, покушением на преступление и оконченным преступлением. В дореволюционном законодательстве согласно ст. 8 Уложения 1845 г. названные этапы предварялись «одним лишь чрез что-либо обнаруженным на преступление умыслом», а согласно ст. 9, раскрывающей содержание этого этапа, «изъявление на словах, или письменно, или же иным каким действием, намерение учинить преступление, почитается *признаком умысла*. К числу таких признаков принадлежат угрозы, похвальбы и предложения сделать какое-либо зло».

Отличает досоветское законодательство и последовательность изложения стадий реализации преступного намерения: ст. 8 Уложения 1845 г. перечисляет все четыре стадии, в ст. 9-12 раскрывается их содержание, начиная от обнаружения умысла и заканчивая преступлением совершившимся. Руководящие начала отказались от обозначения завершающей стадии как преступления *совершившегося*, назвав её *оконченным* преступлением и изложив этапы деятельности в обратной последовательности, начиная с понятия оконченного преступления и заканчивая приготовлением к нему (ст. 17-19 Руководящих начал). УК РФ заимствовал опыт предшествующих законодательных актов, во-первых, приняв измененную Началами терминологию, во-вторых, вернувшись к дореволюционному опыту выделения нормы, аккумулирующей все стадии совершения преступления. В то же время к новеллам действу-

ющего УК следует отнести придание правилам квалификации неоконченного преступления легального характера (ч. 3 ст. 29 УК РФ) и закрепление в данной главе нормы о добровольном отказе (ст. 31 УК РФ). Правила назначения наказания за предварительную преступную деятельность в отличие от советского закона содержатся в другой главе.

Разнятся и наименования глав рассматриваемых законодательных актов. Если Уложение лишь перечисляет содержание отделения второго – «О умысле, о приготовлении к преступлению, о покушении на оное и о совершении преступления», то Руководящие начала интегрируют нормы, содержащиеся в главе IV, заголовком «О стадиях осуществления преступления». УК РФ именуется главу 6 «Неоконченное преступление», тогда как информационно она содержит положения и об оконченном преступлении. Из трех приведённых вариантов наиболее предпочтительным видится наименование главы именно в Руководящих началах – «О стадиях осуществления преступления».

Соответствующая глава Уложения 1845 г. ограничивается нормами о стадиях совершения преступления, тогда как Руководящие начала в такую главу включают положение об учете стадии реализации преступного намерения при выборе меры репрессии, точнее, об индифферентности такого учета (ст. 20). Современный законодатель существенно расширил объем легализации института неоконченного преступления, дополнив содержание главы правилом квалификации незавершенной преступной деятельности (ч. 3 ст. 29 УК РФ), нормой о добровольном отказе от преступления (ст. 31 УК РФ) и положением, исключающим уголовную ответственность за преступления небольшой и средней тяжести (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

При обращении к конкретным характеристикам каждой стадии совершения преступления в трех законодательных актах следует заметить как сходство, так и различия в их описании и объеме содержания.

Поскольку текст нормы Уложения 1845 г. об обнаружении умысла был приведен выше и не был воспринят советским и постсоветским законодателем, следует обратиться непосредственно к регламентации приготовления к преступлению. Наиболее кратко оно представлено в ст. 10 Уложения 1845 г. как приискание или приобретение средств для совершения преступления. Руководящие начала несколько расширили понятие этой стадии, дополнив её таким действием, как приспособление, сохра-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. // Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1887.

нив при этом оба довольно синонимичных термина «приискание» или «приобретение». Кроме того, законодатель не ограничивает приготовление приисканием или приобретением только средств для совершения преступления, но называет и орудия, а добавлением словосочетания (точнее, буквосочетания) «и т.п.» и вовсе делает перечень открытым. Современный законодатель пошел еще дальше в регламентации приготовления к преступлению. Заимствуя опыт Руководящих начал, он оставляет перечень приготовительных действий открытым, существенно расширяя варианты их объективизации. Наиболее оптимальной следует признать редакцию ч. 1 ст. 30 УК РФ по нескольким основаниям. Кроме установления расширенного перечня приготовительных действий, законодатель подытоживает определение приготовления указанием «либо иное умышленное создание условий для совершения преступления», что, собственно, отражает саму суть этого этапа совершения преступления. Кроме того, действующий закон добавляет важную оговорку – «если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам», что позволяет отличить наказуемую предварительную преступную деятельность от добровольного отказа от преступления.

Следующая стадия – покушение на преступление. Согласно ст. 11 Уложения 1845 г. это «всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение». В данном кратком определении отсутствуют признаки, указывающие на незавершенность преступления и на ее причины. Поэтому более пространной является дефиниция покушения в ст. 18 Руководящих начал: это действие, направленное на совершение преступления, когда совершающий выполнил всё, что считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение, но преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим. Редакция современного закона ближе к тексту Руководящих начал, но с существенной коррекцией. Советский законодатель ограничивает возможность совершения покушения только активной формой поведения и только одним видом – оконченным покушением. Тем самым остается без регламентации вариант, когда совершающий не сумел выполнить всего, что было необходимо для реализации своего умысла, отчего и не наступил преступный результат. Изложенная ситуация не подпадает под понятие ни приготовления к преступлению, ни покушения на преступление, ни, тем более, оконченного преступления.

Недостатком приведенного определения является и то, что оно относится к преступлениям, сконструированным по типу материальных составов, поскольку применительно к формальным составам преступлений выполнение всего, что необходимо для приведения своего умысла в исполнение, отражает окончанный состав преступления. С учетом приведенных погрешностей предшествующих норм в УК РФ законодатель ограничивается указанием на умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, с той же оговоркой, что и для приготовления к преступлению, позволяющей отличить неоконченное преступление от добровольного отказа от преступления.

Завершающая стадия – оконченное преступление.

В ст. 12 Уложения 1845 г. преступление почитается *совершившимся*, когда «в самом деле последовало преднамеренное виновным, или же иное от его действий зло».

Статья 17 Руководящих начал считает преступление оконченным, когда намерение совершающего преступление осуществилось до конца.

Согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного законом.

Самой неудачной, на мой взгляд, является редакция именно действующего УК РФ, поставившего во главу угла не субъективный, а объективный критерий – наличие в содеянном всех признаков состава преступления, предусмотренного законом. Буквальное толкование этого положения оставляет без внимания учет степени приведения умысла в исполнение. Так, при нереализованном умысле на убийство виновный может понести ответственность за причинение, скажем, легкого вреда здоровью, если выстрелом не убил, а лишь ранил потерпевшего, поскольку в содеянном содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 115 УК РФ.

Оставляет почву для размышлений и соответствующая норма Уложения 1845 г., поскольку говорит о причинении не только преднамеренного виновным, но и иного от его действий зла. Поэтому более предпочтительной является редакция ст. 17 Руководящих начал, ставящая акцент на субъективном критерии.

Обращает на себя внимание поливариантное обозначение субъекта преступления. В Уложении 1845 г. законодатель лишь единожды упоминает его, называя виновным в ст.

12 об оконченном преступлении. В четырех статьях Руководящих начал используются четыре варианта его обозначения: при определении оконченного преступления – совершающий преступление; в понятии покушения – совершающий; в понятии приготовления – лицо, подготавливающее преступление. В завершающей статье главы IV Руководящих начал, декларируя индифферентность влияния стадии на выбор меры репрессии, законодатель уже конкретно использует термин «преступник». В современном УК субъект преступления обозначается интегрированным термином – «лицо».

В отличие от дореволюционного и постсоветского законодательства Руководящие начала не содержат указания на форму вины, что, тем не менее, не оставляет сомнений в единственно возможной её форме при неоконченном преступлении – умысле.

Подводя итог, можно заключить, что Руководящие начала явились этапом в совершенствовании законодательной регламентации неоконченного преступления, своеобразным «мостиком» между «прошлым и будущим».

Краткий проведенный анализ позволяет отметить преемственность в целом законодательных установлений относительно степени реализации преступного намерения. Если не принимать во внимание легализацию обнару-

жения умысла в Уложении 1845 г., то следует признать единодушной позицию законодателя во всех трех нормативно-правовых актах по поводу количества стадий совершения преступления и их сущности. Менялась наполняемость их содержания, уточнялись виды преступного поведения и формы проявления, но суть дифференциации этапов совершения преступления сохранялась.

Поступательность совершенствования законодательного подхода к описанию института неоконченного преступления проявляется в детализации соответствующих норм, расширении перечня приготовительных действий и признании этого перечня примерным, расширении понятия покушения за счет возможности его совершения путем бездействия, исключении уголовного преследования за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести, дополнения главы нормой о добровольном отказе. Современное законодательство базируется на исторических достижениях уголовно-правовой доктрины, законодательной и правоприменительной практики (в том числе заложенной и в Руководящих началах 1919 г.) и неуклонно движется вперед в поисках оптимальной регламентации стадий совершения преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Петроград-Киев: Изд-во книжного магазина Н. Я. Оглоблина, 1915. 699 с.
2. Кожурин В. О сводах законов Российской империи, СССР, РСФСР и Российской Федерации (к истории вопроса) // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 8-12.
3. Пашковская А. В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Государство и право. 1995. № 11. С. 126-133.
4. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права: сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909. 516 с.

The list of the quoted literature:

1. Vladimirsky-Budanov M. F. Overview of the history of Russian law. 7th ed. Petrograd-Kiev: Publishing house of the bookstore of N. Ya. Ogloblin, 1915. 699 p.
2. Kozhurin V. On the codes of laws of the Russian Empire, the USSR, the RSFSR and the Russian Federation (to the history of the issue) // Russian Justice. 1996. No. 7. S. 8-12.
3. Pashkovskaya A. Century. On the 150th anniversary of the Code of Criminal and Correctional Sentences // State and Law. 1995. No. 11. S. 126-133.
4. Poznyshev S. V. A Special Part of Russian Criminal Law: A Comparative Essay on the Most Important Divisions of a Special Part of the Old and New Laws. Ed. 2nd, rev. and add. M.: Type. V. M. Sablina, 1909. 516 p.